

ДИСКУССИИ

© А. Г. ИСАЧЕНКО

СТРАНОВЕДЕНИЕ И ГЕОЭКОЛОГИЯ:
ЖЕЛАЕМОЕ И РЕАЛЬНОЕ

Поводом для предлагаемой публикации послужила статья О. А. Климановой в вып. 3 «Известий РГО», 2014 г. [16]. С первых же строк статьи у читателя возникают вопросы к ее автору, связанные с неясностью предмета и задач исследования, а также исходных понятий. Автор статьи говорит о необходимости использования страноведческого анализа в геоэкологии для решения геоэкологических проблем; в ее суждениях появляются даже экологическое и геоэкологическое страноведение. Но сущность этих понятий не раскрывается. Остается неясным, в чем суть экологических проблем и как понимать страноведческий анализ и страноведческий подход в геоэкологии. При нынешнем кризисе страноведения и хаотическом состоянии так называемой геоэкологии разобраться в соотношении этих понятий, их связи с *географией* непросто. Ссылки на якобы страноведческие работы Н. М. Пржевальского и на многотомную «Россию» под редакцией В. П. Семенова мало помогают, а более новые сведения о фундаментальных страноведческих и геоэкологических исследованиях отсутствуют.

Я с большим удивлением узнал из обсуждаемой статьи, что «теоретическую основу экологического страноведения составляют разработки А. Г. Исаченко об экологическом и ресурсном потенциале ландшафтов...» [16, с. 80]. Такое утверждение противоречит моему взгляду на страноведение и на «геоэкологическое страноведение» в особенности, что обязывает меня высказаться, хотя главная цель статьи не в этом, а в попытке внести ясность в современные представления о страноведении и геоэкологии, об их современном состоянии и отношении к географии.

Страноведение прежде и теперь. Простейший этимологический подход к определению страноведения — через предмет изучения — оказывается неприемлемым. Казалось бы, куда проще: страноведение — это наука (или раздел науки) о *странах*. Но если мы попытаемся понять, что такое страна как объект исследования, то никакой словарь не дает точного, однозначного ответа. Это относится и к русскому термину, и к его эквивалентам в основных западноевропейских языках.

Из 6 просмотренных толковых словарей и словарей синонимов русского языка, изданных с 1999 по 2012 г., следует, что термин «страна» охватывает

понятия о государстве, о территории, выделенной по каким-либо природным признакам (горная страна, жаркая страна и т. п.), а иногда употребляется как синоним области, края, местности, а также земли, владения, державы.

В английском языке русскому «страна» соответствует *land*. Этим словом обозначается земля, суша, твердая поверхность, «часть земной поверхности в естественных или политических границах» [22, с. 58], но иногда также узкие полосы неогороженного распаханного поля.

Немецкое *das Land* охватывает понятия о земле как суше (в противоположность воде), о сельской или дачной местности, используется как синоним государства, края, почвы, берега, земельного участка. Этим же термином обозначаются основные единицы административного деления Германии («земли»).

Во французском языке эквивалентом русского «страна» является *pays* — понятие также весьма емкое: страна как государство и как некоторое природное единство (горная, равнинная и т. п.), местность, историческая область Франции (Бретань, Бургундия и др.).

Можно было бы бесконечно приводить примеры из русскоязычных словарей — толковых одно- и двуязычных общего характера, энциклопедических и профессиональных географических и т. д. Но в этом нет необходимости. При всем разнообразии определений в них много общего: под страной подразумевается некоторая, более или менее обширная территория, отличающаяся от других территорий по какому-либо специфическому признаку — природному, политическому, историческому, этническому, экономическому и т. д. Единственное исключение из этого определения составляет то, которое дано в новейшем российском энциклопедическом географическом словаре [17], где страна однозначно определяется как синоним государства (с. 151 и 523). Вряд ли нужно комментировать это отступление от географической традиции, согласно которой мы называем странами и Бразилию, и Амазонию; и Финляндию, и Фенноскандию; и Россию, и Алтайскую горную страну и т. д.

В приведенном выше определении имеется выражение «более или менее обширная». Эти слова, имеющие характер оговорок, в наибольшей степени относятся к источникам на русском языке, который, пожалуй, особенно богат терминами, отражающими неодинаковый уровень размерности (т. е. ранг или таксономию) территориальных выделов: страна, край, область, округ, местность, урочище и др. Эти термины широко используются, наряду с греко-латинскими, в отечественной географии при построении таксономических систем районирования, но вряд ли помогут пролить свет на ситуацию в современном страноведении. Искать объяснение сущности страноведения в одном термине, пусть даже относящемся к объекту изучения, — задача бесперспективная.

Если обратиться теперь к существующим определениям самого страноведения, то мы прежде всего столкнемся с отсутствием этого понятия на всех языках, кроме русского и немецкого. Такую ситуацию можно объяснить, зная историю географической науки, начиная с Античной эпохи, когда еще не было ни русского, ни немецкого языков, но уже существовала география, т. е. в буквальном смысле описание Земли. Первыми географами были путешественники, описавшие все, что они видели и слышали от местных жителей в посещенных землях — о природе, нравах, обычаях и занятиях населения, форме правления, а также об истории, не исключая при этом и сведения легендарного характера. Подобные описания охватывали круг сведений, кото-

рые в современных языках входят в понятие «страна» и многими географами рассматриваются как объекты страноведческого описания. Поэтому основное направление античной географии характеризуется как *описательно-страноведческое*.

Своей вершины оно достигло в трудах Страбона, который видел цель географии не в поисках причин и объяснений явлений, предоставляя это философам, а в описании фактов. Он критикует своих предшественников и современников-географов, которые «пытаются подражать Аристотелю». Мотивировка его сводится к тому, что описания разных стран должны быть рассчитаны на потребности государственных деятелей, а тем нет дела до причин тех или иных особенностей разных стран и местностей. В этом своем ультраутилитаризме Страбон дошел до того, что географические описания не должны касаться неизвестных стран и даже тех стран, которые не несут в себе ни угрозы, ни пользы государству. Эти мысли содержатся в основном в первой книге труда «География в 17 книгах» [25] (подробнее см. в [12, с. 33—36]).

В эпоху Ренессанса и Великих географических открытий возрос интерес к дальним странам. «География» Страбона стала образцом для страноведческих описаний мира, обычно называвшихся космографиями. Однако научный уровень этих сочинений, изобиловавших описаниями разного рода небылиц и чудес, был, как правило, крайне низким.

Востребованность географических описаний, в том числе и для школьного преподавания, не исчезала и в последующие столетия. Но какого-либо прогресса в их научном уровне не ощущалось, если не считать трудов отдельных путешественников-натуралистов. Большим событием в истории описательного страноведения явилось появление многотомного труда К. Риттера под названием «*Erdkunde*». Отдельные тома выходили в свет с 1822 по 1859 г., но сочинение осталось незаконченным. Хотя название его переводится как «землеведение», фактически это типичное описательное страноведение (*Länderkunde*). Не случайно многие современники К. Риттера расценивали его труд как возврат к Страбону, а Г. Герланд назвал его географические идеи *страбонизмом* [6]. К. Риттер, в отличие от его предшественников, мог опереться на разносторонний и достоверный фактический географический материал, но в теоретико-методологическом отношении его страноведение мало отличалось от античного. «*Erdkunde*» К. Риттера следует рассматривать в контексте его общей методологической концепции географии, которая вызвала неприятие со стороны его многих авторитетных современников и подвергалась жесткой критике, вплоть до первых десятилетий XX в. (см. [12]).

Термин *Länderkunde* (в русском переводе *страноведение*) ввел в науку А. Геттнер на рубеже XIX и XX вв. Он был автором хорологической концепции географии, которую последовательно развивал с конца XIX в. до 1927 г. В его печатных трудах много интересных и верных соображений, но и множество противоречий. Еще в 1905 г. он определенно утверждал, что истинная география — это страноведение (*Länderkunde*) [7]. Наиболее полно его идеи изложены в итоговой монографии [9]. Подобно Страбону, А. Геттнер считал, что география не должна искать какие-либо закономерности и заниматься научными обобщениями, ее задача — описание отдельных (индивидуальных) территорий — стран, ландшафтов и местностей. Он верно подчеркивал, что в основе различий между отдельными странами, ландшафтами и местностями лежат природные факторы, но определение этих понятий у него отсутствует.

Геттнер отрицал возможность объективного естественного разделения (районирования) земной поверхности. По его мнению, приходится говорить «не о правильных и неправильных, а только о целесообразных и нецелесообразных делениях» [9, с. 285]. «Естественное деление — по его словам — может быть построено на более или менее эклектическом соединении нескольких оснований деления» (там же, с. 284). Примером субъективизма и эклектизма в «естественном» страноведческом районировании может служить деление Европы, предложенное самим Геттнером. В нем среди «стран» и «областей» находим Францию, Португалию, Италию, Швейцарию [8].

Идеи А. Геттнера нашли довольно живой отклик среди российских географов начала XX в. Все его основные труды оперативно переводились и публиковались на русском языке. Но нельзя сказать, что живой интерес сопровождался активной поддержкой и появлением последователей. Наиболее интересна реакция Л. С. Берга. В программной статье 1915 г. о предмете и задачах географии [2] он высоко оценил идеи А. Геттнера, но запутался в его противоречиях. В конечном счете он возразил против понимания географии как страноведения и недвусмысленно утверждал, что «география есть наука о ландшафтах» [2, с. 469]. В последующих работах Л. С. Берг неоднократно подчеркивал, что его учение о ландшафтах как естественных районах не имеет ничего общего с геттнеровским страноведением. Л. С. Берг считал, что «описание областей, выделяемых на основании административных или политических границ, является ненаучным» [2, с. 473].

Идеи А. Геттнера не нашли широкого признания у его соотечественников, но их особенно энергично пропагандировал уже в 30—50-е гг. XX в. американский географ Р. Хартшорн как концепцию *региональной географии*. Однако ни сам Хартшорн, ни его последователи не оставили каких-либо фундаментальных региональных (= страноведческих) монографий, и к концу 1960-х гг. концепция Р. Хартшорна исчерпала себя.

Важно, однако, отметить, что в конце XIX в. и первой половине XX в. страноведческие описания и даже глобальные серии страноведческих монографий создавались независимо от А. Геттнера или каких-либо теоретических концепций вообще. По своему содержанию и научному значению они чрезвычайно разнообразны, но включают обширный фактический материал для региональных географических обобщений, а кроме того, они служили важным источником распространения географических знаний в обществе.¹ В 1891—1895 гг. в Германии была издана под редакцией В. Сиверса пятитомная сводка «Allgemeine Länderkunde». Второе издание, расширенное до 6 томов, в 1902—1908 гг. вышло в свет в русском переводе под названием «Всеобщая география». На этом примере мы видим, что страноведение в то время многими отождествлялось с географией. Следует отметить также восьмитомную итальянскую сводку — «La Terra» Дж. Маринелли (1883—1901).

Наибольшее развитие страноведческое направление в географии приобрело во Франции. Еще в 1876—1894 гг. Э. Реклю опубликовал «Новую всеобщую географию» в 19 томах (русский перевод 1898—1901), которая, по отзыву А. Геттнера, дышит риттеровским духом. Этот труд имеет подзаголовок «Земля и люди», в нем природе уделено относительно мало внимания, центр тяжести перенесен на описание народов, городов и достопримечательностей.

¹ Во избежание перегрузки статьи цитатами и ссылками на первоисточники отсылаю читателя к подробностям в монографии [12].

К началу XX в. относится формирование французской географической школы во главе с П. Видаль-де-ля-Блашем, имевшей ярко выраженное региональное направление с акцентом на географию человека. Основными объектами исследований, по существу страноведческих, явились историко-географические области Франции (*pays*). Географы этой школы стремились найти гармонию между человеком и природой в условиях традиционного средневекового природопользования. Это направление исследований скоро исчерпало себя, оставив региональные описания, образцовые по стилю изложения и яркости характеристик. В 1914 г. во Франции была начата подготовка к созданию мировой страноведческой сводки «*Géographie universelle*», но работа была прервана войной, и только между 1927 и 1948 гг. вышли все 15 томов (некоторые из них были переведены и опубликованы в СССР).

Авторами отдельных томов были видные французские географы, и каждый том составлен на достаточно высоком научном уровне. Однако в их содержании и подходе к разделению территории на конкретные объекты описания существуют разнобой и определенный эклектизм, что связано с большей или меньшей узостью научного профиля и субъективностью подхода каждого автора [12, с. 300—301].

Есть основания утверждать, что примерно к концу 1960-х гг. это направление в географии оказалось в состоянии кризиса. Одним из последних удачных примеров стал совместный труд физикогеографа П. Биро и экономикогеографа Ж. Дрэша, посвященный Средиземноморью и заслуживающий самой высокой оценки [4].

В российской географии описательно-страноведческое направление заявило о себе на практике выпуском в 1899 г. первого тома серии «Россия. Полное географическое описание нашего отечества» под редакцией В. П. Семёнова. К 1914 г. было издано 11 томов, но дальнейшая работа над серией прекратилась из-за войны. Сейчас в этих томах можно указать ряд недостатков. В научном отношении разные тома не вполне равноценны. По основному своему содержанию это путеводители; довольно много места отводится населению, но мало внимания уделено физико-географической характеристике — приводятся лишь краткие сведения в качестве введения к каждому тому; не просматривается какого-либо единого принципа в делении страны на описываемые части (регионы). Но здесь, забегая вперед, приходится напомнить, что мы до сих пор не имеем *комплексного* страноведческого описания России, отвечающего современному состоянию изученности страны и современным требованиям науки и практики.

Первое подлинно научное страноведческое описание отдельного региона принадлежит Л. С. Бергу. Это была монография «Бессарабия», имеющая классический страноведческий подзаголовок: «Страна, люди, хозяйство» [3]. Она вышла в свет в 1918 г., когда Бессарабия была оккупирована Румынией. Л. С. Берг, уроженец Бессарабии, хорошо знал ее и особый интерес проявлял к этническому составу населения.

Названный труд Л. С. Берга был не только первым, но и последним опытом научного страноведческого описания региона в отечественной географической литературе. Это имело свои причины — как внешние по отношению к науке, так и внутренние. В самой общей форме можно отметить традиционное отсутствие интереса к страноведению со стороны физикогеографов, идеологические наскоки в начале 1930-х гг. левацки настроенных молодых экономикогеографов, слабую природно-географическую подготовку и односторон-

не-экономическую ориентацию экономикогеографов. В конечном счете физико- и экономикогеографы «разошлись по своим квартирам» и создали немало хороших региональных монографий и серий отдельно в своих сферах исследований.

В 1946 г. Н. Н. Баранский попытался привлечь внимание советских географов к страноведению и сформулировал исходные положения, которые повторял и в последующие годы. Он называл страноведение куполом над зданием географии, но при этом, однако, подчеркивал, что экономикогеографы несравненно ближе к интересам страноведения, чем физикогеографы, и что «в центре интересов страноведения стоят быт, культура, политика и даже дух народа» [1, с. 147—148]. Однако буквально через страницу Н. Н. Баранский пишет, что страноведение «не претендуя на роль особой науки, должно быть лишь организационной формой объединения разносторонних данных о той или иной определенной стране»¹ (там же, с. 150). Иными словами, здесь страноведению отводится функция энциклопедического словаря.

Несмотря на явную противоречивость высказываний Н. Н. Баранского, у него нашлись сторонники и среди них В. А. Анучин и Ю. Г. Саушкин; а Б. Б. Родоман считал, что именно в страноведении осуществляется общегеографический синтез, и квалифицировал всю прочую научную географическую литературу как «грудку сырья» для страноведческих описаний [21, с. 319].

Противоречивость и неопределенность исходных положений сказалась на опубликованных определениях предмета, содержания и задач страноведения, появившихся в 60—80-е гг. прошлого столетия в БСЭ и энциклопедических географических изданиях [5, 10, 11, 26]. Эти определения (не все из них авторизованы) дышат оптимизмом и большими ожиданиями, но расплывчаты и не дают четкого представления о предмете, содержании, теоретических основах и научных задачах страноведения. Самая примечательная общая особенность этих определений состоит в отсутствии хотя бы одного примера научного исследования (и описания) какого-либо конкретного региона, будь то «страна» или что-либо иное.

За последние четверть века ситуация в сфере страноведения не только не прояснилась, но еще более запуталась. Некоторые соображения о современном состоянии страноведения автору уже довелось высказывать [14], и здесь нет необходимости их повторять. Можно констатировать появление некоторых конструктивных идей; в этом отношении выделяется работа Я. Г. Машбица [18]. Но многие другие высказывания я назвал бы деструктивными, фактически направленными на разрушение страноведения. Такова идея о наличии разных специализированных страноведений — экономико-географического, этнического, политического, рекреационного и т. п. Эта идея противоречит сущности и значимости страноведения, которое в любом варианте предполагает комплексный подход к изучению окружающего мира. Сторонники подобной точки зрения попросту подменяют термином «страноведение» региональные разделы отраслевых географических дисциплин. К сожалению, О. А. Климанова [16] присоединилась к изобретателям этой новейшей бессмыслицы.

Если попытаться подвести итоги современным представлениям о страноведении, то прежде всего придется признать, что речь идет о *двух разных понятиях*. Первоисточником этой путаницы служат высказывания Н. Н. Баранского, имеющие почти 70-летнюю давность.

¹ Речь идет о стране как политическом образовании.

Первое понятие очень четко определено как *организационная форма объединения* разносторонних данных о конкретной стране, т. е. здесь нет речи ни о том, что эти данные относятся к географии, ни о том, что они должны быть взаимосвязаны. Таким образом, страноведение мыслится как своего рода банк данных, ему отводятся не какие-либо научные функции, а справочно-информационные и, надо признать, весьма широкие и ответственные, всесторонне востребованные с древнейших времен. Такое страноведение не выдумка, а реальность. Без него невозможно представить современную универсальную энциклопедию, в которой страноведческая, а по существу «государствоведческая», информация составляет один из главных разделов.

Позволю себе привести некоторые результаты элементарных расчетов по материалам содержания 3-го издания БСЭ (1970—1978 гг.). Суммарный объем статей, посвященных европейским государствам, составляет около 670 страниц текста (без учета вклеек с картами и иллюстрациями) при среднем объеме одного тома 600—620 стр. Описанию СССР отведен отдельный том, а кроме того, помещены статьи о каждой союзной и автономной республике и о других административных территориальных подразделениях. России отведено почти 100 стр., а всем союзным республикам (без учета трех прибалтийских) — 430 стр. Объем описания в общих чертах соответствует площади, а также политическому и экономическому «весу» объекта. Двум тогдашним германским государствам было предоставлено почти 80 стр., США — 55, а недавнему ближайшему другу Советского Союза — КНР — всего лишь 39 (шли 1970-е годы, когда отношения с китайским руководством катастрофически ухудшились). Эти примеры приведены как свидетельство влияния политики и идеологизации на объективность страноведческой информации.

Можно полагать, что на долю страноведческой тематики в БСЭ приходится не менее 10—15 % общего объема. Что касается структуры энциклопедического страноведческого описания, то в БСЭ она насчитывает до 18—20 позиций — от геологического строения территории до драматического театра и кино, включая большой исторический очерк, а также сведения о вооруженных силах, политических партиях и т. д., — в полном соответствии с крылатым выражением Н. Н. Баранского «от геологии до идеологии», которыми он характеризовал сферу интересов географа. Эта сфера действительно должна быть очень широкой, но ее не следует смешивать со сферой профессиональной деятельности и ответственности географа. С этой точки зрения далеко не всё в страноведческих очерках универсальных энциклопедий имеет отношение к географии и к географу.

Энциклопедическое описание страны не есть самостоятельный научный труд, дающий какое-либо новое знание об описываемой территории. Это более или менее удачная компиляция, не ставящая целью установить *взаимные связи* между отдельными структурными элементами, тогда как в научном географическом исследовании это самое главное. Сказанное не умаляет ценности энциклопедических описаний: они обеспечивают запросы самых разных потребителей — туристов, дипломатов, бизнесменов, просто любознательных людей, для которых важны те или иные факты, а не их генетические соотношения и закономерности.

Между тем в основе географической науки всегда лежал интерес к взаимосвязям различных природных и общественных предметов и явлений, *существующих в пространстве*, т. е. в рамках некоторых общих территориальных границ. Именно этот интерес определяет возникновение второго, собст-

венно научного, понятия о страноведении. В основе этого понятия лежит смутная идея о макрорегиональном географическом синтезе, охватывающем природу и человека. На рубеже XIX и XX вв. эта идея привела к появлению фундаментальных региональных (в немецком варианте страноведческих) описаний и их серий, о которых упоминалось выше. Однако в географии возобладала тенденция к усилению отраслевой дифференциации и все большему отдалению физической географии от социально-экономической. На Западе, а теперь и в России, географы все больше стали уходить в узкую географическую и окологеографическую тематику.

Страноведение как научное направление практически исчезло. Между тем в советской географии было создано немало предпосылок для интеграции «расползающейся» географии. Сложилось ландшафтоведение как учение о природных территориальных комплексах, или геосистемах; в социально-экономической географии появились понятия о территориальных производственных комплексах, территориальных системах расселения, территориальной организации общества. География стала определяться как наука о *природных и общественных территориальных системах и их взаимосвязях*. География накопила огромный материал о таких взаимосвязях, но вопрос о реальности *интегральных*, т. е. *природно-общественных территориальных систем* остается открытым.

Основным камнем преткновения на пути к интеграции географии служила территориальная несовместимость природных и общественных региональных подразделений. Опыт последних лет позволяет утверждать о необходимости применения историко-географического подхода к преодолению этого разрыва с использованием (в качестве базисного) ландшафтного районирования с исследованием поэтапного влияния на формирование интегральных географических регионов этнических, экономических, политических и иных факторов. Проблемы географического синтеза могут и должны решаться на разных таксономических уровнях, т. е. на разных ступенях районирования. «Безразмерные» и неопределенные «страны» здесь неуместны.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что традиционное описательное страноведение исчерпало себя и термин «страноведение» устарел. При этом он не выдерживает экзамена на вхождение в международную географическую терминологию, где прочно утвердился термин *региональная география*. Заметим попутно, что при современном состоянии страноведения бесперспективно рассуждать о «страноведческом анализе» и «страноведческом подходе».

Геоэкология и экологическая география. Термин «геоэкология» стал стремительно входить в моду в 90-е гг. прошлого столетия. В известном энциклопедическом словаре географических понятий 1988 г. [27] он еще отсутствовал, но уже через два года «геоэкология» появилась в словаре Н. Ф. Реймерса [20]. В университетах поспешно стали создаваться факультеты и кафедры геоэкологии — по принципу «сначала создадим, а потом разберемся». В самом конце 1980-х гг. географический факультет Ленинградского университета был переименован в факультет географии и геоэкологии; геофаку Московского университета хватило здравого смысла сохранить традиционное название, но кафедра физической географии зарубежных стран была переименована в кафедру физической географии мира и геоэкологии.

Инициатива внедрения экологической терминологии в географию принадлежит видному немецкому географу К. Троллю. Еще в 1956 г. он предло-

жил называть раздел ландшафтоведения, относящийся к изучению функционирования ландшафта, ландшафтной экологией [29], а впоследствии стал именовать ландшафтоведение в целом геоэкологией. В. Б. Сочава считал, что этот последний термин является синонимом учения о геосистемах [24, с. 293]. С того времени экологическая фразеология прочно вошла в отечественную географическую литературу.

Одно из первых определений современной геоэкологии гласит: «Геоэкология — раздел экологии (по другим воззрениям — географии), исследующий экосистемы (геосистемы) высоких иерархических уровней — до биосферы включительно. Синонимы: ландшафтная экология, иногда биогеоценология» [20, с. 95]. Это определение, относящееся к 1990 г., настолько неопределенное, что не поддается комментированию. С той поры вышло из печати необозримое количество специальных словарей, справочников, учебников, учебных пособий, монографий, сборников, журнальных статей, посвященных так называемой геоэкологии. Однако ситуация не только не прояснилась, а, скорее, запуталась.

В. Н. Солнцеву принадлежит интересное исследование истории и итогов научной деятельности кафедры физической географии мира и геоэкологии Московского университета [23]. Согласно этому автору, на упомянутой кафедре сложилось 3 разных геоэкологических направления, возглавляемые тремя профессорами. У каждого из них своя трактовка геоэкологии, зависящая от характера предшествующей трудовой деятельности и «обстоятельств его жизни вообще» [23, с. 53]. Но этого оказалось мало: за период с 1989 по 2008 г. в рамках трех главных направлений сложилось 8 «относительно самостоятельных» геоэкологических направлений исследований.

Чтобы дать представление о пестроте тематики исследований, выполненных в России за последние два десятилетия под флагом геоэкологии, понадобилось бы слишком много места. Выборочный анализ существующих публикаций оставляет впечатление хаоса и отсутствия каких-либо общих концептуальных основ. Если судить по содержанию сборника кафедры физической географии мира и геоэкологии Московского университета под названием «Мир геоэкологии» [19], мир этот действительно широк (к чему, впрочем, обязывает двойное название кафедры). Здесь встречаем, в частности, данные об одном из биосферных резерватов Германии, о древних цивилизациях Средиземноморья, о перспективах развития «мягкого туризма» во внутренних районах Болгарии и горнолыжного — в Тироле, о проблемах музея-заповедника «Михайловское», о кислотных осадках в Таиланде и геоэкологических проблемах Аргентины.

В трудах некоторых географов, в том числе и петербургских, мы наблюдаем подмену традиционных понятий о комплексных физико-географических исследованиях модной геоэкологией. Так, без каких-либо оснований результаты полевых исследований некоторых горных котловин, с явным акцентом на палеогеографию и геоморфологию, были объявлены как геоэкологические.

«Гео» — первая половина термина «геоэкология» — дает право претендовать на геоэкологию всем представителям так называемых наук о Земле, чем не замедлили воспользоваться геологи, усугубив путаницу вокруг этого понятия. Что касается второй составляющей термина — экологии, — то с некоторого времени его усиленно опошляли СМИ, в результате чего его первоначальное строго научное биологическое значение оказалось, по-видимому, окончательно забытым.

Наряду с геоэкологией в географической литературе существует выражение *экологическая география*. Здесь мы имеем дело не с синонимами и не только с терминологическими различиями, но и смысловыми. То, что корневым словом является география, сразу же исключает необходимость рассуждений и гаданий по поводу принадлежности именно к этой науке в качестве отрасли или особого направления (это уже не принципиальный вопрос). Что же касается эпитета «экологическая», то здесь имеется в виду очищенное от популистско-конъюнктурных наслоений представление о науке, изучающей влияние внешней среды на жизнь живых организмов, включая *человека*. Таким образом, экологическая география — это ветвь географической науки, а точнее, особое научное направление в ландшафтоведении, ориентированное на экологию человека. В его задачи входят изучение и оценка ландшафтов, естественных и измененных человеком, как конкретной среды обитания населения [15].

В понятийно-терминологический аппарат экологической географии входят такие понятия, как экологический потенциал ландшафта, экологическая емкость ландшафта, эколого-географическое районирование и т. п. Принципы и методы экологической географии практически реализованы и апробированы в монографии «Экологическая география России» с 65 картами [13]. К сожалению, мы пока не имеем аналогичных материалов по геоэкологии, но несомненно между этими двумя направлениями должны быть перекрытия. Одно из существенных различий состоит в том, что в публикациях по геоэкологии не уделяется должного внимания экологическому значению ландшафтов, практически мало затронутых человеческим воздействием, и экологической роли природных факторов вообще. Из географов-геоэкологов наиболее близок к экологической географии И. Е. Тимашев [28], который справедливо усматривает корни геоэкологии в ландшафтоведении. Он определяет геоэкологию как часть ландшафтоведения, но в этом можно сомневаться, ибо она слишком сильно расползлась и превратилась в стихийное междисциплинарное движение, научный статус которого, возможно, определится в будущем. Но ядро геоэкологии должно оставаться ландшафтным.

О геоэкологических проблемах и геоэкологическом районировании. Как известно, никакая географическая наука не может обойтись без районирования как универсального метода анализа и отображения региональных различий и закономерностей в изучаемом предмете. Не должна являться исключением и геоэкология, что нашло отражение и в статье О. А. Климановой. Можно считать, что районирование в этой статье оказалось узловым вопросом, так как от его решения во многом зависит оценка геоэкологии как самостоятельного научного направления.

О. А. Климанова рассматривает вопросы геоэкологического районирования на примере Африки. При этом она много внимания уделяет поиску способов сочетания территориальных выделов, именуемых странами как в политике, так и в физической и экономической географии. Объекты геоэкологического районирования она называет «территориальные единицы страноведческого анализа», однако о смысле этого термина можно только гадать. Но судя по ряду частных замечаний О. А. Климановой, задача разработки геоэкологического районирования достаточно сложная. Для полного понимания сущности этой задачи недостает определения *геоэкологических проблем*, которые логически и следует рассматривать как истинный предмет геоэкологического районирования. Иначе можно сказать, что объектами такого райо-

нирования служат территориальные подразделения (регионы) со специфическим характером геоэкологических проблем.

Некоторые отрывочные намеки на такой подход мы встречаем у О. А. Климановой. Она подчеркивает многофакторность геоэкологических проблем, часто впутывая сюда и страноведение; встречаются и упоминания об исторических фактах, но все эти отрывки не сведены в единую четкую систему.

В конечном счете О. А. Климанова пришла к заключению о возможности комбинирования разных матриц районирования — «синтетической», «матрицы конгломерат» и промежуточной. Практически это означает наложение различных, частных по отношению к геоэкологии, сеток районирования (ландшафтного, административно-политического, этнического, экономического и др.) и в сущности эклектизм.

«Матрица-конгломерат» реализована О. А. Климановой на примере Африки. Таксономическая система состоит из двух ступеней: макрорегионов и просто регионов. Примечательно, что за основу геоэкологического (или эколого-страноведческого, страноведческо-геоэкологического?) принято *физико-географическое*, т. е. *ландшафтное*, районирование, разработанное на кафедре физической географии мира и геоэкологии МГУ. Выделенные О. А. Климановой 10 макрорегионов (Магриб, Пустынный пояс, Судано-Сахельский коридор, Лесное Конго и др.), несмотря на импровизированные названия некоторых, в общих чертах согласуются с зонально-секторными ландшафтными макрорегионами. В сетке регионов второго порядка («просто регионов»), нанесенных на схематичную карту, большей частью также просматриваются ландшафтные подразделения, но в сильно закамуфлированном виде из-за эклектического подхода, наиболее ярко отразившегося в собственных географических названиях, принятых автором. В одной системе территориальных подразделений соседствуют несколько несовместимых идентификационных признаков. Некоторые, относительно немногие, регионы обозначены собственными физико-географическими названиями (Нижненильский, Нубия, Данакиль, Эфиопское нагорье, Капское Средиземноморье и др.). Значительно больше встречаем названий этнического происхождения (Земля туарегов, Земля хауса, Судан нилотов, Край суахили и т. п.). В качестве идентификационных признаков используются также минеральные ресурсы (Нефтегазоносная Сахара), особенности экономики (Сенегал — район орошаемого земледелия), политической истории (Постколониальное французское Средиземноморье). Наконец, имеются названия, говорящие, иногда весьма туманно, лишь о географическом положении региона без каких-либо качественных признаков (Приатлантическое Марокко, Чадский «перешеек», Межозерный край и т. п.).

Достоинно удивления, как удалось разделить на карте линейными границами без перекрытий смежные территории по абсолютно несовместимым признакам. Но еще большее недоумение вызывает отсутствие какого-либо общего критерия районирования. За каждым названием, очевидно, должно что-то стоять, но это «что-то» скрыто от читателя. Иначе говоря, остается неясным *предмет* районирования и в целом исследования, и мы возвращаемся к исходной точке. Логически можно предположить, что предметом исследования, а значит и районирования, должны служить некоторые особые научные или прикладные проблемы. Коль скоро речь идет о геоэкологии, проблемы эти *геоэкологические*, и схема районирования приобретает смысл, если она по-

строена на типологии этих проблем. Насколько можно судить по высказываниям теоретиков геоэкологии, эта дисциплина имеет дело с проблемами, возникающими в разных регионах в процессе взаимодействия человека с природной средой. Но что мы можем узнать по этому поводу из обсуждаемой карты районирования Африки? Из содержания карты следует, что в одном регионе живут туареги, в другом имеются месторождения нефти и газа, третий некогда принадлежал Франции и т. д. И что же из всего этого следует? Ситуация лучше всего может быть охарактеризована известной, хотя, быть может, несколько грубоватой для научного журнала поговоркой: «в огороде бузина, а в Киеве дядька».

Никаких догадок и предположений не потребовалось бы, если бы выделенные на карте регионы были сгруппированы по геоэкологическим проблемам, что и нашло бы отражение в легенде карты.

Закключение. Не считая себя специалистом в областях страноведения, геоэкологии и тем более экострановедения или страноведческой геоэкологии, не беру на себя смелость рассуждать о перспективах развития перечисленных направлений. Однако существует множество перекрытий между ними, с одной стороны, и собственно географией, в особенности ландшафтоведением — с другой. Научные и прикладные проблемы, которые затрагиваются геоэкологами всех направлений, так или иначе имеют междисциплинарный характер и, по моему глубокому убеждению, неразрешимы без опоры на ландшафтоведческий фундамент. В связи с этим приведу здесь некоторые соображения о перспективах геоэкологии, а также страноведения с точки зрения ландшафтоведа.

Идея общегеографического синтеза и возможности построения территориальных природно-общественных систем еще не отброшена, и это дает шанс страноведению возродиться в новом качестве комплексной региональной географии. Но для этого надо перейти от беспредметных разговоров о страноведении к созданию комплексных региональных монографий нового поколения, как бы их ни называть — страноведческими или регионально-географическими. Представляется, что методологическую основу комплексного регионального анализа и синтеза должна составлять опора на ландшафтную структуру изучаемой территории и на историко-географический подход, т. е. на изучение процесса формирования интегральных территориальных систем от начала заселения и освоения территории до наших дней. При этом следует не ограничиваться традиционным стремлением к описанию крупных территориальных подразделений (мифических «стран»), а иметь в виду всю систему территориальной дифференциации сверху донизу, как это принято в современном ландшафтоведении.

Геоэкология — несомненно междисциплинарное направление, но корни ее лежат в ландшафтоведении. Исследователи, причисляющие себя к этому направлению, накопили обширный фактический материал. Но чтобы геоэкология обрела определенный научный статус, следует переходить к научным обобщениям, а геоэкологические сборники и карты не должны превращаться в вариации на тему известной народной поговорки.

По-видимому, ключевым понятием в геоэкологии служит *геоэкологическая проблема*. Именно такие проблемы могут рассматриваться как предмет исследования, разумеется, при условии их четкого определения, которого явно не хватает. Ясно лишь то, что эти проблемы возникают в ходе взаимодействия человека с географической средой и к их изучению надо подходить

с ландшафтоведческих позиций, с учетом генезиса, истории формирования, эволюции, территориального многообразия и региональной разномасштабности изучаемых объектов.

Список литературы

- [1] Баранский Н. Н. Экономическая география. М.: Географгиз, 1956. 366 с.
- [2] Берг Л. С. Предмет и задачи географии // Изв. ИРГО. 1915. Т. 51, вып. 9. С. 463—475.
- [3] Берг Л. С. Бессарабия. Страна, люди, хозяйство. Пг.: Огни, 1918. 244 с.
- [4] Биро П., Дреш Ж. Средиземноморье. Т. 1. М., 1960. 464 с.; Т. 2. М., 1962. 527 с.
- [5] Географический энциклопедический словарь. Понятия и термины. М.: Сов. энциклопедия, 1988. 432 с.
- [6] Герланд Г. Задачи и разделение географии [1887] // Изв. РГО. 1888. Т. 24, вып. 4. (Приложение).
- [7] Геттнер А. Сущность и методы географии [1905] // Вопросы страноведения. М.; Л., 1925. С. 33—85.
- [8] Геттнер А. Страноведение Европы [1907]. М., 1925.
- [9] Геттнер А. География, ее история, сущность и методы. [1927]. Л.; М.: Госиздат, 1930. 416 с.
- [10] Гохман В. М. Страноведение // Краткая географическая энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1964. Т. 4. С. 26.
- [11] Гохман В. М., Игнатьев Г. М. Страноведение // БСЭ, изд. 3-е. М.: Сов. энциклопедия, 1976. Т. 24. С. 546.
- [12] Исаченко А. Г. Развитие географических идей. М.: Мысль, 1971. 416 с.
- [13] Исаченко А. Г. Нерешенные вопросы страноведения // Изв. РГО. 2002. Т. 134, вып. 4. С. 9—18.
- [14] Исаченко А. Г. Экологическая география России. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2001. 328 с.
- [15] Исаченко А. Г. Введение в экологическую географию. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003. 192 с.
- [16] Климанова О. А. Страноведческий анализ в контексте геоэкологических проблем // Изв. РГО. 2014. Т. 146, вып. 3. С. 80—89.
- [17] Котляков В. М., Комарова А. И. География. Понятия и термины. Пятиязычный академический словарь. М.: Наука, 2007. 859 с.
- [18] Машбиц Я. Г. Комплексное страноведение. М.; Смоленск, 1998. 236 с.
- [19] Мир геоэкологии. М.: Геос, 2008. 296 с.
- [20] Реймерс Н. Ф. Природопользование. Словарь-справочник. М.: Мысль, 1990. 638 с.
- [21] Родоман Б. Б. Некоторые общие черты географических наук и задачи единой географии // Философские вопросы естествознания. М., 1960. Т. 3. С. 299—327.
- [22] Словарь общегеографических терминов / Ред. Л. Д. Стэмп. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1976. Т. 2. 394 с.
- [23] Солнцев В. Н. История университетской кафедры физической географии мира и геоэкологии, 1938—2008. М.: Геос, 2008. 118 с.
- [24] Сочава В. Б. Введение в учение о геосистемах. Новосибирск: Наука, 1978. 318 с.
- [25] Страбон. География в 17 книгах / Пер. Г. А. Саргановского. М.: Наука, 1964. 942 с.
- [26] Страноведение // Энциклопедический словарь географических терминов / Гл. ред. С. В. Калесник. М.: Сов. энциклопедия, 1968. С. 360.
- [27] Страноведение // Географический энциклопедический словарь. Понятия и термины. М.: Сов. энциклопедия, 1988. С. 292.

- [28] *Тимашев И. Е.* Геоэкология и главный компонент земного ландшафта // Мир геоэкологии. М.: Геос, 2008. С. 11—20.
- [29] *Troll K.* Der Stand der geographischen Wissenschaft und ihre Bedeutung für Aufgaben der Praxis // Forsch. u. Vorschr. 1956. N 30.

Санкт-Петербург
greg.isachenko@gmail.com
Санкт-Петербургский государственный университет

Поступило в редакцию
5 июня 2014 г.

Изв. РГО. 2014. Т. 146. Вып. 4

© **А. В. ХОРОШЕВ**

К ДИСКУССИИ О НЕОЛАНДШАФТОВЕДЕНИИ: ДЕТЕРМИНИРОВАННОСТЬ, ПОЛИМАСШТАБНОСТЬ, ПОЛИСТРУКТУРНОСТЬ

Опубликованная в 2013 г. серия статей и выступлений Е. Ю. Колбовского [19, 20] побуждает задуматься как о современной проблематике ландшафтоведения, так и о достаточности усилий ландшафтоведов по ее освещению. Судя по распространенности взгляда на ландшафтоведение как на науку, основные положения которой окончательно сформировались к началу 1970-х гг. [17, 19, 20, 25, 31], этих усилий явно недостаточно. Запрос практики на ландшафтные исследования (ОВОС, проектирование ООПТ, инженерно-экологические изыскания, лесное планирование и т. п.) в основном по сей день сводится к потребностям в ландшафтных картах, причем ожидается, что они будут выполнены в традиционной манере, позволяющей констатировать строгие однозначные соответствия между свойствами компонентов. Такой запрос в начале XXI в. делает честь ландшафтоведам середины XX в., сумевшим показать применимость своих представлений к нуждам практики. Не случайно в самое последнее время представителями негеографических прикладных наук опубликован ряд учебных пособий, демонстрирующих применение ландшафтного картографирования на основе концепции морфологической структуры [6, 8, 15], что не исключает работ с использованием ландшафтной идеологии, но утверждающих неполную адекватность этой концепции задачам отраслевого планирования [16]. Однако сводится ли ландшафтоведение к способам выделения на местности дискретных единиц вроде фаций и урочищ? Нередко с точки зрения современного студента, не дающего себе труда вникать в глубинную суть ландшафтоведения, собственный предмет этой науки неясен, а сама она представляется скучноватым способом компилирования отраслевых знаний с целью выделения контуров на карте. Такое представление довольно устойчиво, несмотря на то что учебники содержат обширную информацию о множестве других задач и сюжетов [13, 28]. Видимо, большой пласт теоретических и методологических публикаций за последние 20 лет не обратил на себя достаточного внимания, и ландшафтоведам может